

№180 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Душа и бизнес

Для начала немного фантазии. Предположим, Гриша 10 лет подряд на собственном грузовичке возил в Мукачево арбузы и помидоры, а оттуда в Херсон – картошку. Скопил деньжат малость и решил сделать прыжок из малого бизнеса в средний. Нанял водителя, снял в аренду несколько ларьков, грузчика-экспедитора, расширил ассортимент товара и – вперед. Теперь Гриша уже хозяин предприятия, у него в подчинении люди. Товарооборот возрос, доходы увеличились, а со временем наш бизнесмен выкупает помещения под собственные магазины. Теперь у него в штате и бухгалтер, и грузчик, и вообще много народу.

Мы неоднократно подчеркивали с Вами, что в любом, даже самом крохотном бизнесе, есть искушение относиться к людям, которым ты продаешь свой товар или их обслуживаешь, не как к братьям и сестрам во Христе, а как к средству заработать деньги. Этот же риск остаётся и в среднем бизнесе, плюс, появляется новое искушение – к своим **подчиненным** относиться не как к чадам Божиим, а как к винтикам своего предприятия. Причём, это вовсе не предполагает самодурства, хамского и бестактного поведения по отношению к работникам. Шеф может быть учтив и предупредителен – «будьте любезны», «спасибо», «пожалуйста», на «вы» и шёпотом, улыбаться, комплименты отвечать. Но, не дай Бог, Вам заболеть – Вы уже ненужный балласт – от Вас надо избавляться, как можно скорее. В этом плане часто бывает и наоборот. Босс-хам может оказаться более человечным, чем руководитель с утонченно-культурным поведением.

Это, кстати, относится не только к сфере бизнеса. *О.Иоанн.* «Помню две известные личности, которые в своё время производили на меня сильное впечатление. Первая – это отец Палладий – инспектор Одесской Духовной семинарии, а вторая – отец Георгий Тельпис – инспектор Ленинградской Духовной академии.

Одесский Палладий внешне мало чем соответствовал уровню общей культуры, а тем более, церковной. Первое слово, которое мы всякий раз слышали из его уст – «сволочи». Он был высоким, широкоформатным и жутко тучным, килограммов под 200. И вот, по своему обыкновению, он заходил в трапезную, проходил в зад и вперед и начинал разговор: «Сф-фолочи!.. Представляете, какая-то паршивая овца опять залезла в монастырский виноградник...» А дело в том, что Одесская семинария соседствует с Успенским монастырем, в котором есть небольшой участок земли, где монахи выращивают виноград, а семинаристы любят туда хаживать.

«Сф-фолочи» (с двойным звуком «ф») – у отца Палладия это вместо «здрассте». Кошмар, казалось бы! Но на самом деле, все мы, семинаристы, любили нашего отца-инспектора. По очень простой причине – потому, что **ОН** нас любил. Чем-то напоминал Быкова, главного персонажа «Интернов». Наго-

ворить он мог каких угодно гадостей, но строго не наказывал даже за серьёзные нарушения – душевность ему не позволяла, а за мелочи – и подавно.

«Сф-фолочи! Это же надо залезть в монастырь – через забор! И виноград монашеский оборвать! Так ведь, идиоты, нет, чтобы замести за собой следы, а то здесь же между рядами и семечки наплевали, и объединенные грозди разбросали. У, гады! Вот я вкачу!» «Вкачу» – означало – накажу – имеется в виду выговор, который вывешивался на доске семинарских объявлений. Среди студентов этот выговор принято называть «тропарем». Ну, тропарь, Вы знаете, это одна из форм Богослужебных песнопений. И этот выговор студенты иногда в шутку пели на один из церковных напевов – гласов.

Мало, чем отличался от Палладия и наш семинарский эконо́м – отец Иоанникий. Самых усердных своих помощников по хозяйству, он ласково называл дурачками. А ну-ка, идите ко мне, мои дурачки, надо вон ту кучу угля перетаскать аж вон туда. И что самое удивительное – на него тоже никто не обижался. Это, между прочим, очень показательный момент.

Вот, в Питере, там всё по-другому. Когда после Одессы я поступил в Ленинградскую Духовную академию – там культурой веяло изо всех щелей. Даже заслуженный профессор литургики с мировым именем Николай Дмитриевич Успенский не мог себе позволить обратиться к студенту на «ты». В жизни не было такого, чтобы тот же инспектор академии отец Георгий Тельпис хоть раз на кого-то из нас голос повысил или сказал что-то унижительное. И замечания предельно тактичны, и выговора были только на «вы» и с улыбкой. И выгоняли из академии вежливо весьма, учтиво и широко ослабившись. Но вот парадокс. Эти все оскалы вежливости были почему-то обидными.

На самом деле, оно, конечно, все понятно. Брань отца Палладия или Иоанникия пряниками была для нас в сравнении с изысканной вежливостью питерцев по очень простой причине. Отец Палладий любил нас. И отец Иоанникий тоже нас любил. Отцу Палладию, наверное, легче было самого себя высечь, чем огорчить своего воспитанника. А вот питерский отец Георгий – вряд ли. Да, он был вежлив, тактичен, но сам по себе этикет – знаете, душу не согревает».

То же самое и в отношениях между руководителем и подчиненными. Директор предприятия может быть весьма учтив, но абсолютно бездушен. Это, конечно, не означает, что такт – вещь ненужная. Хорошо, когда – всё хорошо и, тем не менее.

Да, так вот, перед новоиспеченным руководителем среднего бизнеса предстаёт новое искушение – не стараться с людьми, по-отцовски заботиться об их благополучии, а максимально выдавливать из них всё, что только можно, при этом, давая взамен самый минимум.

Поначалу такой подход бывает вполне оправдан. Зарождается новое предприятие – новую технику надо покупать, офис оборудовать, закупать сырьё, товар, всяческие вложения делать – сплошные расходы. Зарплаты крохотные, но в такой ситуации все понимают – предприятие только начинает работать, из пелёнок еще не выросло. Работники стонут, но терпят. Но вот проходит время, и постепенно дело налаживается, потихонечку появляется денежка. И надо бы уже зарплату людям поднять. Но руководитель возжигается перспективами и произносит перед коллективом пламенную речь – мол, все мы должны ещё какое-то время пожить с затянутыми поясами – предприятие должно прочно стать на ноги, утвердиться, набирать обороты.

В этом уже начинается лукавство. Предприятие-то принадлежит тебе, это **твоя** собственность – почему же твои рабочие должны в полуголодном режиме поднимать предприятие, в котором нет их доли? Но это еще не совсем лукавство – не полное – так, 50 на 50 – доля правды в этом есть существенная. Ведь, действительно, все труженики в той или

иной степени заинтересованы в стабильности предприятия, на котором работают. В конце концов, если фирма обанкротится – плохо ведь будет не только хозяину, но и всему коллективу организации. Поэтому, как правило, сотрудники соглашаются и с этим призывом – что ж будем терпеть, «наращивать мускулатуру». Так проходит, к примеру, год, два, предприятие подросло, работа налажена. Процветания, вроде, как и нету, но шеф – глядишь, офис себе оборудовал под «евро», стол из натурального ореха полированный поставил, оргтехнику хорошую, компьютер новый, кожаное кресло ортопедическое. Т.е. уже появились первые признаки благополучия фирмы. А зарплата рабочим – как добавили 60 гривен еще в прошлом году, так и осталась. Сотрудники начинают намекать боссу – Григорию Ивановичу! В магазинах всё так дорого, может, как-то поднять немного жалованье? – Обождите немного, обождите – отвечает шеф - терпение – будет вам и белка, и свисток.

Проходит ещё немного времени, и в одно прекрасное утро хозяин прикатывает на работу на новеньком джипе, взят в кредит. Работники кисло улыбаются – они-то понимают, откуда пойдут деньги на погашение долга.

И начинают потихонечку убежать. Один работник уволился, другой. Третий – вроде, и на месте, но его как бы подменили – он тоже убежал, только – в себя. Шеф, сотрудники и вся работа ему параллельны.

Босс озабочен - нужны новые люди – даёт объявление в газету – приходят разные – среди них и вполне нормальные, которые, поинтересовавшись размером зарплаты, разворачиваются и уходят. Здесь нужно иметь в виду очень важный психологический момент. Босс объявляет нищенскую зарплату не потому, что не может заплатить больше. Он психологически к этому не готов – он изначально просто привык людям платить копейки, он по-другому и не может – с ним инфаркт случится, если обстоятельства его заставят рассчитаться с рабочими по-справедливому.

Но среди безработных всегда есть и дешёвая рабсила. В основном – это те, которые уже за свою жизнь успели побывать на десятках предприятий – отовсюду их выгоняли за безответственность, недисциплинированность, леность, пьянство. Эти люди уже прекрасно понимают, что высокооплачиваемой работы им не видать, поэтому и соглашаются на Гришины условия. Ну а как у нас в народе говорят: «Дешева рыбка – гірка юшка». Дешёвый работник вчера вообще не вышел на работу, а сегодня тачку спёр. А водитель – тоже низкооплачиваемый алкаш – с утра выпил, сел на грузовик и въехал в маршрутный автобус. Водителю, конечно, тоже не сладко, но с него взять нечего – живёт он в тёплом сарае, и кроме дивана, который десять раз уже выбрасывали, и каждый раз клопы его обратно заволакивали, ничего у него нет.

И что ж его делать? Грузовик разбит, алкаш-водитель – без прав. А тут и вторая машина ломается – она ещё Никиту Сергеевича видала. Работа предприятия практически остановлена.

Гриша начинает понимать, что так да, кредит брать **надо** было, и машину тоже надо было покупать, но не джип себе - с молодыми женщинами раскатываться, а грузовичок – товар развозить. А тут ещё и конкуренты – откуда они взялись не в добрый час! А на досыпку для полной торбы – кризис и инфляция.

Вот и всё - банкротство.

Кто-то может сказать – причём здесь душа, порочность, грехи? Просто, неопытность, неправильное ведение бизнеса. Да, неверное, но генератором главных ошибок что было? Жадность и себялюбие. Не зря, ведь, в воровской среде на свой манер звучит мудрость: «Жадность фраера сгубила».

И если Гриша после банкротства своей фирмы не опустит руки и задумает заново испытать судьбу, начать новое дело - в первую очередь ему будет необходимо глубокое покаяние, кардинальная пере-

мена образа мыслей и чувств, смещение ценностного центра с себя любимого - на ближних своих.

Домникия Таврическа

(продолжение)

Заходит однажды Домочка к Евдокии, жительницы Цюрупинска, в тот момент, когда та кормила своих взрослых цыплят, и спрашивает: «Ти будеш готувати борщ? Та отвечает: «Да!..» - «І курчат різати?» - «Так!» - «Ти ось ту курочку заріж! Вона буде рада». Та ей говорит: «Зачем же, Матушка, курочку резать, когда много петушков?» Домна не спорила, но только и на следующий день зашла к ней на обед. И вновь спрашивает: «Дуню, ти напевно, півника зарізала?» Та уклончиво отвечает: «Да, Матушка, какая разница, что петушка, что курочку? - всё равно мясо». А на следующее утро, хозяйка стала окликать на корм цыплят, и к своему удивлению не увидела той курочки, на которую ей указывала Матушка. Стала искать, заглянув в курятник, увидела, что курочка-то сдохла.

Молодая девушка Поля Петракаус, о которой уже было упомянуто, неизменно посещавшая церковные богослужения и хористкой певшая на клиросе, мечтала о жизни монашеской, или полностью посвященной Богу при храме. О замужестве она не помышляла по разным причинам, в том числе, из-за неблагополучия семьи родителей. Отчим часто жестоко избивал маму. Дедушка с бабушкой также жили в постоянных ссорах. С другой стороны – она была девушкой церковной. А молодые ее ровесники – люди, как правило, неверующие.

Матушка Домна, проникая в ее такое духовное настроение, неоднократно шуткой вопрошала: «А ти ще заміж не вийшла?» А другой раз, когда однажды Домна ночевала в их доме, утром рассказывает бабушке: «А я бачила сон, ніби Поля вийшла заміж ... Ії так і повели через дорогу». Бабушке не хотелось расставаться с внучкой, и ей не нравилось, когда говорили о замужестве Поли. Поэтому Фёкла Ивановна стала возражать: «Так за кого ж вона буде виходити заміж? Всі комсомольці, безбожники, п'яниці, до церкви не ходять...» Домна тогда сказала: «Так за Петра». За какого Петра? «Так, він гарний, - сказала она, - молитесь Богу!» Что и исполнилось. После этих слов, лет десять спустя, даже забыв их, Пелагея, вопреки своим убеждениям, вышла замуж за семинариста Петра Замараева, а после, когда вспомнила, очень удивилась, что эти удивительные слова Матушкины точь-в-точь исполнились...

Её бабушка, Фекла Ивановна Хищенко, однажды приготовила двух петушков из крупных цыплят, поджарила и поручила внучке Поле, сказав: «Відвези Матушці Домочці гостинця». Пелагея была рада такому поручению. Тут же отправилась к Матушке. Вошла во двор, постучала к Домне в дверь. Матушка, как обычно, ласково спрашивает: «Хто там?», девушка отвечает: «Це я, Поля!»

– Поля?! А ти мені курчати привезла? – Якого курча? - не раздумывая, спрашивает Поля. – Так якого ж? Смаженого, - уточняет Матушка. - Так привезла, Матушка, - сообразив, отвечает Поля. Домна радушно принимает Пелагею, угощает её за столом и провожает с миром.

Проходит время. Поля Петракаус-Замараева уже замужем – жена священника на приходе в селе Станислав Херсонской области. И вот после Пасхальной седмицы, в среду на Фоминой неделе Поля решает поехать к Матушке Домочке в Цюрупинск. Начало диалога обычное: «Хто там?» - «Це я, Поля!» - «Чого ти приїхала?» - «Гостинця Вам, Матушка, привезла!» - «Від кого?» - «Від Петра!» - «Від якого Петра?» - «Від того, Матушка, за якого Вы пророчили!» «Ну, тоді заходь», - приглашает Полю Домна, и расплывается в улыбку...

Продолжение жизнеописания Домникии, составленного Владыкой Дамцианом - в последующих номерах «Седмицы»

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтёте нужным*